

Современное образование

Психолингвистика

Учебник для вузов

Под редакцией
Т.Н. Ушаковой

Коллектив авторов
Психолингвистика.
Учебник для вузов
Серия «Современное
образование (Когито-Центр)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12031295

Психолингвистика: Учебник для вузов / Под ред. Т. Н. Ушаковой: ПЕР

СЭ; Москва; 2006

ISBN 5-9292-0144-7

Аннотация

В учебнике представлено содержание современной психолингвистики в структуре, включающей ее общую и отечественную историю, теоретические и прикладные аспекты. Книга имеет широкую направленность. Она адресуется всем, кого интересует жизнь языка в психике человека. Специальные разделы ориентированы на продвинутых студентов и аспирантов. Рассмотрены новые идеи по проблеме речезыковой семантики, отношения языка к мозгу. Включены свежие данные, связанные с новыми открытиями в психогенетике, изучением языковых возможностей высших животных. В новом свете рассмотрена тема детской речи, имеющая прямое отношение к

глубинным механизмам речи. Отведено место вопросам речевого воздействия, речевой диагностики, дефектам и недоразвитиям речевых функций. В подготовке текстов приняли участие И. В. Королева, В. И. Лубовский, Е. Е. Ляксо, И. Ю. Марковина, Н. Б. Михайлова, И. В. Ружицкий, И. А. Стернин, Т. Н. Ушакова, Г. Т. Хухуни, Т. В. Черниговская, В. И. Шаховский.

Содержание

Предисловие	6
Глава I	12
Литература к главе I	22
Глава II	23
2.1. «Нулевой этап»[2]	23
2.1.1. Вклад древних ученых	23
2.1.2. Античные теории слова	24
2.1.3. Божественное происхождение языка	33
2.1.4. Идея рациональности языка.	39
«Грамматика Пор-Рояля»	
2.1.5. Значение внешних воздействий или внутренних способностей к языку.	47
Лейбниц против Локка	
2.1.6. Язык и дух. Концепция Вильгельма фон Гумбольдта	57
2.1.7. Язык и мысль. А. А. Потебня и развитие лингвистического психологизма в России	66
2.1.8. Внутренняя форма слова. Ф. Ф. Фортунатов и московская лингвистическая школа	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Т. Н. Ушакова
Психоллингвистика
Учебник для вузов

© Ушакова Т. Н., 2006

© Коллектив авторов, 2006

© ООО «ПЕР СЭ», оригинал-макет, оформление,
2006

Предисловие

Рождение науки, именуемой *психолингвистикой*, было объявлено в Соединенных Штатах Америки в 1953 году. Образованные отечественные лингвисты чутко и достаточно быстро отреагировали на новое веяние из-за океана: уже в 1957 году маленькую книжечку *О психолингвистике* выпустила языковед О. С. Ахманова. Тема была подхвачена А. А. Леонтьевым, выступившим сначала с реферативной публикацией (*Психолингвистика*, 1967), а затем и оригинальной книгой (*Теория речевой деятельности. Проблемы психолингвистики*, 1968). Эти ранние издания составили начало большого ряда индивидуальных и коллективных монографий, журнальных публикаций, многих конференций и семинаров по проблемам психолингвистики в нашей стране. Они отражали активную исследовательскую и организационную деятельность специалистов по заявленной теме.

Начальное определение предмета психолингвистики было довольно узким. Оно исходило из ее понимания как науки, изучающей процессы, в которых интенции говорящих преобразуются в сигналы принятого в данной культуре кода, и эти сигналы вызывают понимание у слушающих (Osgood et al., 1954). Некоторое время молодая наука развивалась как у нас, так и на Западе в соответствии с этим недостаточно полным определением. Позднее, однако, обнаружилось два

довольно любопытных обстоятельства.

Во-первых, появились свидетельства того, что вряд ли справедливо начинать датировку психолингвистики с того эпизода (самого по себе, безусловно, значительного), когда этой области было присвоено ее привлекательное и емкое имя. Ретроспектива психолингвистических исследований оказывается очень глубокой, и она в полной мере заслуживает того, чтобы занять свое место в истории психолингвистики. Это обстоятельство, к сожалению, недостаточно осознается. Одну из оригинальных сторон данного учебника составляет включение материалов, расширяющих зауженное представление о ее временных границах и объеме имеющихся в науке данных.

Второе возникшее обстоятельство состояло в том, что выявилась притягательная сила имени *психолингвистика* в отношении многих работ, выполнявшихся ранее по различным темам: психологии речи, психоакустики, психогенетики, прикладных речевых разработок. Многие авторы, работающие в названных сферах, изъявили готовность и горячее желание называться психолингвистами. К психолингвистике как строгой «моно-науке» понемногу присоединился большой круг исследований, превративших ее в науку широкую и «веселую», обнимающую многие жизненно и практически поучительные и занимательные знания и потому вызывающую к себе интерес широкого круга людей, не только профессионалов.

Этот интерес проявляется и в наши дни. О его существовании имеется множество свидетельств. Для меня показательна встреча, произошедшая у меня с моими друзьями супругами Е. во время летнего отпуска в Академическом пансионате. Мои друзья – образованные люди, работающие в далеких от психолингвистики областях. Мне казалось, что моя направленность на слово как явление мира человеческой психики лежит в стороне от сферы их научных и жизненных интересов. Однако они настоятельно просили меня рассказать, что такое психолингвистика. Прохаживаясь по живописным аллеям пансионата, мы проговорили однажды все утро, и оказалось, что очень многое из области психолингвистики занимает умы моих друзей. Им была интересна история возникновения в середине XX века новой науки, действующие лица этого события, его обстоятельства. Они спрашивали, и им были понятны мои объяснения о механизме языка. Мы говорили о прирожденности дара слова, о тех несчастных, кому этот дар достался с повреждениями, а также о том, как специалисты умеют помогать людям при их разного рода речевых нарушениях. Будучи родителями двух дочерей, мои друзья интересовались темой развития детской речи. Не оказался обойденным вопрос об языковых способностях животных и об энтузиастах, исследующих эту область.

Этот разговор изменил мои намерения писать строгий научный учебник по психолингвистике для продвинутых сту-

дентов и аспирантов, как я сначала предполагала. Научные материалы, конечно, сохраняют свое место в предлагаемой книге, но пусть из-за них не потеряют свой интерес к общим проблемам психолингвистики те, кто посчитает отдельные разделы книги трудно доступными для понимания – такие разделы можно отложить и вернуться к ним позднее. В целом же, книга имеет широкую направленность. Она адресуется всем, кого интересует жизнь языка в психике человека, кого волнует таинственная способность человека превращать в звук наши внутренние состояния и переживания, а также не менее удивительное умение понимать аналогичную возможность в другом человеке. На мой взгляд, каждый думающий человек в той или иной степени размышляет по поводу этой области. В учебнике рассмотрены новые идеи по проблеме речезыковой семантики, приведены материалы по теме отношения языка к мозгу. Включены многие совсем свежие данные, связанные с новыми открытиями в психогенетике, представлены разработки, относящиеся к изучению языка обезьян. Самостоятельный раздел учебника занимает новый аспект рассмотрения детской речи – области, которая имеет прямое отношение к глубинным механизмам функционирования речи и интересна в своей непосредственной феноменологии. Отведено место вопросам практического характера: речевого воздействия, речевой диагностики, дефектам и недоразвитиям речевых функций.

Концептуальная основа данного учебника была заложена

в разработанном мной ранее курсе, частично опубликованном в книгах, изданных под редакцией В. Н. Дружинина *Современная психология*, 1999 года; *Психология*, 2001; *Психология XXI века*, 2003 года. Нынешнее издание по сравнению с прежними значительно расширено по тематике, а также дополнено за счет включения текстов приглашенных авторов, которых я рассматриваю как более компетентных, нежели я сама, специалистов по темам. Авторство приглашенных специалистов отмечено в сносках к их текстам. Такими приглашенными авторами явились (в алфавитном порядке): И. В. Королева, В. И. Лубовский, Е. Е. Ляксо, И. Ю. Марковина, Н. Б. Михайлова, И. В. Ружицкий, И. А. Стернин, Г. Т. Хухуни, Т. В. Черниговская, В. И. Шаховский. Всем им я выражаю свою искреннюю признательность за участие в нашем общем труде.

Хочу также поблагодарить мою помощницу А. С. Свежинцеву, принявшую на себя труд участия в технической подготовке учебника к изданию.

Т. Н. Ушакова

Глава I

Предварительная характеристика основных понятий¹

В этой книге пойдет речь об одной из важнейших сторон психики человека – способности владения словом, языком, речью. Эта способность уникальна: из всех земных существ лишь человеческий род наделен ею. Вместе с разумностью и морально-эстетическим чувством она образует комплекс качеств, высоко поднимающих человека над всем живым миром, составляя необходимую предпосылку общественной жизни людей, создания письменности, науки, культуры и многого другого.

Способность владения словом многогранна и включает ряд компонентов. Используя слова, мы говорим и имеем возможность при помощи внешних средств выразить свои внутренние, скрытые от других психологические состояния (мысли, воспоминания, впечатления, эмоции). Мы также можем воспринимать речь других людей, различать звуки, слова, их связи, понимать мысли и чувства говорящего, проникая тем самым в его внутренний мир. Не упустим и того обстоятельства, что речь строится на основе скрытой от непо-

¹ Автор раздела Т. Н. Ушакова.

средственного проявления системы языка, т. е. при использовании выработанных языковых умений и навыков. Владение словом проявляется в речевом взаимодействии с окружающими людьми. В общении мы пользуемся словом, надеясь быть понятыми, а также и понять других, стараемся оказать воздействие на окружающих и в известных случаях регулируем свое поведение в соответствии с полученными словесными указаниями. Через слово происходит накопление и передача информации, создание устных и письменных текстов. Все это – различные сферы проявления способности владения словом, или, если сказать иначе, речезыковой, вербальной способности.

Природа и сущность этой способности ставит много вопросов перед научным исследованием, и далеко не все они получили свое решение к настоящему времени. Разные науки занимаются исследованием языка и речи. Раньше других этим объектом занялась философия. Ее интересовало место слова в мире явлений, природа имени, отношения слова и вещи, происхождение имен. Этот ранний поиск не иссяк к настоящему времени, превратившись в наши дни в особое направление – философию языка.

К этому же объекту давно обратилась лингвистика (языкознание), направившая свои усилия на изучение речезыкового продукта, производимого говорящими людьми, и скрытой языковой системы, определяющей этот продукт. На основании многовековых исследований проведена обшир-

ная и полезная работа по фиксации слов, используемых разными народами, описаны их значения и звучания, разработана классификация и типология слов, рассмотрены их возможные и типичные сочетания, изучены происходящие во времени изменения языков, показана системность их организации, внутренняя взаимосвязанность значения и звучания слов, произведено множество других открытий, накоплен огромный багаж знаний в данной области. Кроме того, многими авторами-лингвистами высказаны ценные суждения, относящиеся к природе и сущности речезыковой способности в целом, о чем мы будем говорить ниже.

Позднее других наук, хотя теперь уже тоже достаточно давно, свои права на рассматриваемый нами объект – речезыковую способность – заявила психология. И эту заявку следует признать вполне правомерной: речь и язык – порождение психики, мозга человека. Речезыковая способность по своей глубинной сущности не имеет принципиального отличия от других психических функций, изучаемых психологией. Речь и язык «погружены» в человеческую психику, речезыковые проявления близки другим психологическим феноменам. Так, осмысленность речи связывает ее с сознанием человека, его мыслительными процессами; речевое выражение аффектов – с эмоциями; восприятие речи – одна из форм перцептивной способности; говорение – организация сложных специализированных двигательных актов; хранение и устройство языка – один из видов памяти. К обла-

сти психологии, несомненно, относятся и такие темы, как онтогенез и филогенез языка и речи, мозговое и генетическое обеспечение речезыковой способности, функционирование речи в социуме, в общении людей между собой. Для психологии изучение вербальной способности людей оказывается неизбежным. Вот почему где-то в конце XIX века в психологических трудах появился раздел *Психология языка и речи*, что к настоящему времени воспринимается как сама собой понятная необходимость.

Вербальная способность интересует психологию не только со стороны порождаемого ею продукта, но более сущностно и глубинно. Психологу требуется понять ее как способность к выполнению всех многообразных вербальных операций, названных выше. Требуется познать также, как эта способность зарождается и развивается у отдельного индивида, почему и как она порой оказывается нарушенной, каковы возможные способы ее коррекции. Поднимается вопрос о связи вербальной способности с мозгом и генетическим аппаратом человека. В настоящее время большую научную значимость приобрели вопросы функционирования языка и речи в социуме: проблемы речевого воздействия и взаимодействия, массовой коммуникации, ведения переговоров, разрешения конфликтов, представления информации в Интернете, разработки речевого канала в технических системах и др.

Можно видеть, что лингвистика и психология занялись

исследованием разных сфер проявления одного и того же объекта – вербальной способности человека. Однако границы между этими науками часто оказываются недостаточно четкими. Лингвистика, имея перед собой обширное поле исследовательского материала, в известные периоды своего существования старательно отгораживалась от психологических подходов. Они воспринимались как чуждые ей и недостаточно объективные. Тем не менее в ее истории не раз возникали психологически ориентированные направления, а отдельные весьма авторитетные авторы склонялись к суждениям психологического характера.

Тенденция к отгораживанию уже по отношению к лингвистике нашла своих сторонников и в психологии. В XX веке приобрел популярность тезис, что предметом психологического исследования является речь, но не язык: речь – явление индивидуальное, организуемое в соответствии с психологическими закономерностями; язык – социален, он создается социумом и обслуживает его, он является предметом лингвистики. Этот тезис, будучи некоторое время популярен, все больше теряет своих сторонников в психологии. Пришло осознание того, что язык не в меньшей степени, чем речь, является психологическим феноменом: речевые процессы протекают с участием языковых структур, сформированных в психике говорящего индивида, их нельзя отделить друг от друга. Заметим также, что в старых классических психологических работах (например, В. Вундта) тер-

мины *речь* и *язык* употреблялись как синонимичные.

Так какими же на сегодняшний день представляются взаимоотношения психологии и лингвистики в исследовании речи и языка? Существует точка зрения, что эти науки имеют общий объект исследования, но предмет их различен. Это значит, что в обеих науках процесс научной абстракции протекает по-разному, тогда различными оказываются и системы их абстрактных объектов, или логических моделей (Леонтьев, 1999, с. 6–8). Это, возможно, так, но нам важно понять, существует ли взаимная польза от встречи обеих наук, могут ли они, в принципе, дополнять друг друга.

Представляется обоснованным положительный ответ на этот вопрос. Дело в том, что психология, занимаясь природой вербальной способности, нуждается в систематическом и квалифицированном описании фактов ее проявления. Эти знания находятся в руках лингвиста. Например, психолог, изучающий ход формирования фонемной системы языка маленького ребенка, должен опираться, хотя бы в минимальной степени, на данные фонологии (раздела лингвистики), где он найдет ответ на то, что такое фонема, как выявляются различия фонем, как они описываются в их отношении к месту их образования в артикуляторной системе ребенка, как фиксируются противопоставления фонем, каковы фонологические различия разных языков. Такого рода данные позволяют психологу проследить и осмыслить становление фонемного строя языка, развитие рецептивной и артикулятор-

ной способности ребенка (см., например, работы В. И. Бельтюкова).

Пример иного рода может быть взят из области синтаксиса. Если психолог занимается исследованием становления грамматики в детском языке, то ему необходимы лингвистические данные о морфологическом строении слова (желательно в разных языках), о выделенных лингвистами классах слов, грамматических категориях. Только при наличии такого рода данных психолог может понять, в поле каких явлений он работает и насколько общими являются получаемые им факты (см., например, Т. Н. Ушакова, 1979, 2004). Таким образом, лингвистика дает психологическим исследованиям кругозор, предоставляя факты описания языковых и речевых феноменов, используя материал различных национальных языков, характеризуя их системную организацию и проявления, закономерности развития и изменений.

Психологические данные со своей стороны могут быть полезны лингвистической теории в плане придания ей естественнонаучной и социальной ориентированности. Явления языка и речи рассматриваются в психологии в контексте природных и социальных закономерностей жизни человека, учитываются мозговые механизмы речезыковых проявлений. Тем самым результаты, которые получит в своем исследовании психолог, будут существенны для лингвистически ориентированного ученого, в чьи интересы входит глубинное познание вербальной способности.

В целом соединение, взаимное дополнение психологических и лингвистических данных можно рассматривать как форму системного подхода к исследованию речи и языка. В нем реализуется преодоление ограничительных рамок и ведомственных преград, что делает знание об объекте более разносторонним и глубоким, более адекватным действительности. Значимость такого рода подхода для психологической науки неоднократно подчеркивал Б. Ф. Ломов (Ломов, 1984).

Продуктивность объединения психологических и лингвистических данных в исследовании вербальной способности человека оказывается глубинным основанием того, что в середине 50-х годов XX века появилось научное направление, использующее данные и подходы как психологии, так и лингвистики. Это направление получило название «психолингвистика». В ней реализуется направленность на комплексирование исследований и преодоление ведомственных преград.

На основании сказанного можно выявить общий принцип, отличающий исследования психолингвистической ориентации: *использование в исследовании (явное или неявное) данных, позиций, подходов и психологии, и лингвистики с целью развития знаний в области природы речи и языка*. Если мы будем иметь в виду данный принцип, то сможем легче разобраться в том, когда в действительности началась психолингвистика, каковы особенности разных периодов ее су-

ществования, какие исследования следует квалифицировать как психолингвистические.

Согласно традиционной точке зрения, психолингвистика как новая наука возникла в 1953 году. Эта дата связывается с тем событием, когда группа авторитетных психологов, лингвистов и других специалистов в результате двухмесячной совместной работы на берегу океана в Америке очертила круг проблем и теоретических оснований, которым было дано имя «психолингвистика». С тех пор прошло более полувека увлечений и разочарований этой наукой, которая пришла тем не менее к определенной стабильности развития и накопления позитивных фактов и их теоретических интерпретаций.

Попробуем теперь опереться на принцип, выявляющий суть психолингвистики, чтобы рассмотреть более глубокую историческую ретроспективу и выявить в ней ранние предпосылки этой науки. Мы увидим тогда, что фактически психолингвистические по своему характеру исследования велись гораздо раньше XX века, они связаны со многими блестящими именами и идеями, оставившими не теряющий ценности след в познании удивительной способности человека пользоваться речью и языком. Мы увидим, что существовал большой отрезок времени в истории вопроса, который еще не имел имени психолингвистики, но занимался фактически ее предметом. Его можно назвать *«нулевым этапом»* развития психолингвистики, и его рассмотрение важно

для понимания того, на какой основе возникла наука, принявшая имя психолингвистики. С него мы и начнем наше изложение.

Особенность предлагаемого учебника в том, что в нем объединены указанные направления – психология речи и психолингвистика, – которые на теперешнем уровне развития науки в силу исторических обстоятельств по традиции понимаются как разные сферы знания. По этой причине при наличии многих недавних учебных публикаций по психолингвистике тема оказывается представленной в усеченном виде, вне тех значительных достижений, которые были сделаны ранее в психологии и лингвистике. В преодоление указанной ограниченности, произведена разработка общей концепции и содержания учебника по психолингвистике. Содержание учебника решает задачу заполнения лакун, существующих в освещении литературы по теме.

Литература к главе I

Ахманова О. С. О психолингвистике. М., 1957.

Бельтюков В. И. Саморазвитие неживой и живой природы. М., 1997. С. 224.

Белянин В. Психолингвистика. М., 2003.

Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М., 1998.

Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 1999.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М., 1999.

Леонтьев А. А. Теория речевой деятельности. Проблемы психолингвистики, 1968.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. В 2-х т. М., 1989.

Ушакова Т. Н. Речь: Истоки и принципы развития. М., 2004.

Wundt W. Voelkerpsychologie. Leipzig, 1900.

Глава II

Исторический очерк развития психолингвистики

2.1. «Нулевой этап»²

2.1.1. Вклад древних ученых

Интерес к познанию естественного языка возник у людей столь давно, что в настоящее время нет возможности установить его достоверные истоки и тем более временную датировку. Однако известно, что более двух с половиной тысяч лет назад в Древней Индии были заложены основы научной лингвистической традиции (Нелюбин, Хухуни, 2003, с. 9–15). Основанием появления древнеиндийского языковедения послужили жизненные обстоятельства. Развитие разговорных языков Индии – пракритов – привело к их сильному расхождению с языком, на котором были созданы древнеиндийские религиозные гимны – Веды. Это привело к необходимости выработать принципы описания ведической ли-

² Авторы раздела Г. Т. Хухуни и Т. Н. Ушакова.

тературы и языка. В силу этого уже за тысячи лет до нашей эры формировались словари, содержащие описания слов из Вед, создавались комментарии к ведическому языку, вырабатывались принципы анализа языка по линии фонетики, морфологии, синтаксиса, лексикографии.

При распространении буддизма на другие страны древнеиндийские языковедческие идеи стали раньше других известны в Китае. В Древнюю Грецию они проникли позднее, но еще до начала новой эры. В средние века они стали известны в арабской науке. Позднее других о них узнала и высоко их оценила Европа: в XVIII веке к ним возник здесь большой интерес. Однако, по мнению специалистов, подняться на высоту древних языковедов европейской науке удалось лишь в XIX веке (там же, с. 15).

2.1.2. Античные теории слова

Термин «античный», как известно, применяется для обозначения материальной и духовной культуры двух рабовладельческих обществ – греческого и римского. Учитывая, что культура Рима на протяжении длительного исторического периода формировалась под сильным влиянием Греции, греко-римское языкознание часто рассматривается как единое целое, хотя при этом и оговаривается присущая каждому из них специфика.

Первоначально проблемы языка в Древней Греции явля-

лись предметом философских рассуждений и лишь позднее стали разрабатываться в более конкретном грамматическом плане. Указанное обстоятельство и обусловило традиционное деление греческой лингвистической мысли на *философский* и *грамматический* периоды, хотя попытки философского осмысления явлений языка продолжались на протяжении всего периода существования античной цивилизации, сохраняя свое значение и в наши дни.

Среди основных вопросов, разрабатывавшихся в первый период (хронологически он приблизительно соотносится со временем от конца VI до конца IV века до н. э.), важнейшей проблемой и предметом ожесточенных дискуссий стал вопрос о так называемом «природном» или «условном» характере слов, иначе говоря – о том, *как соотносятся друг с другом предметы и их наименования*. Этот спор привел к формированию двух основных направлений – «фюсей» («по природе», т. е. название определяется природой предмета) и «тесей» («по установлению», т. е. название представляет собой продукт соглашения между людьми, являясь произвольным и никак не связанным с сущностью предмета).

Основоположниками названных концепций считаются два крупных представителя древнегреческой философской мысли – *Гераклит Эфесский* (540–480 до н. э.) и *Демокрит из Абдеры* (460–370 до н. э.). Первый из них утверждал, что каждое имя неразрывно связано с той вещью, которую оно обозначает; поэтому название отражает природу обозначае-

мой вещи, подобно тому как дерево отражается в реке, а человек – в зеркале. «У всего существующего есть правильное имя, врожденное от природы... одно и то же у всех» (Античные теории..., 1936). Эту точку зрения излагал в диалоге «Кратил» крупнейший представитель древнегреческой философской мысли *Платон* (ок. 427 – ок. 347 до н. э.).

Вторая концепция, напротив, исходила из того, что вещи обозначаются словами исключительно согласно обычаю, по установлению людей. В противном случае трудно объяснить такие факты, как полисемия (многозначность), синонимия, случаи изменения названий, отсутствие словесных обозначений для целого ряда вещей. Платон передает данную позицию в следующих словах: «...Никакое имя никому не урождено от природы, но принадлежит на основании закона и обычая тем, которые этот обычай установили и так называют» (Античные теории..., 1936).

В этом споре принимали участие такие философы, как Протагор, Эпикур и др. Что же касается Платона, то, изложив устами своих героев – Кратила и Гермогена – обе точки зрения, он, от имени выведенного в диалоге Сократа, занимает среднюю линию. С одной стороны, слово далеко не всегда отражает сущность предмета; с другой – полная случайность связи между словом и предметом сделала бы невозможным человеческое общение. Подлинно правильный язык может существовать только в идее, вначале между звуками и обозначаемыми понятиями должна была

существовать внутренняя связь; однако затем от «правильных» первоначальных слов было образовано такое множество других, что внутренняя связь между звуком и значением уже затемнилась и закреплена она благодаря сложившейся традиции.

С названной проблемой был связан и сильно интересовавший многих мыслителей античной Греции вопрос о происхождении языка. Античные философы выдвинули по существу все те идеи, которые значительно позднее (уже к восемнадцатому столетию) оформились как различные теории происхождения языка. Так, представители стоической школы *Хрисиппа* (280–206 до н. э.) придерживались теории звукоподражания, согласно которой язык возник благодаря тому, что человек имитировал звуки природы при помощи своего речевого аппарата. Последователи *Эпикура* (341–270 до н. э.) склонялись к мысли, что более правильной следует признать теорию междометий, согласно которой первоначальными элементами языка были произвольные выкрики, сопровождавшие те или иные человеческие эмоции. Отдельные же мысли *Демокрита*, нашедшие отражение в упомянутом выше диалоге Платона «Кратил», впоследствии составили основу теории социального договора, считавшей язык продуктом соглашения между людьми.

Одним из важных аспектов древнегреческой философии языка стала попытка осуществить классификацию слов на логической основе, которая впоследствии легла в основу тра-

диционной схемы частей речи, сохранившейся с некоторыми изменениями вплоть до наших дней. Начало ее связано с именем Платона, который выделял в языке, или речи, две части – имя и глагол. К первому относятся слова, о которых что-либо утверждается (т. е. выступающие в функции подлежащих), ко второму – слова, показывающие, что именно утверждается об именах (т. е. выполняющие функцию сказуемых). Однако подлинная разработка логической системы частей речи связана с именем крупнейшего мыслителя античной Греции – *Аристотеля* (384–322 до н. э.).

Считая, что «природных» имен не существует и последние получают условное значение, когда становятся символами, Аристотель в своем труде «Поэтика» выделял следующие части речи: элемент, слог, союз, имя, глагол, член (т. е. артикль), падеж, предложение. Важнейшим среди них являются имя и глагол; различие между ними состоит в том, что значение первого лишено оттенка времени, а второе им обладает. Как имена, так и глаголы могут иметь падежи – косвенные формы и формы множественного числа.

После Аристотеля значительный вклад в изучение языка внесли представители стоической школы, которые, собственно, и перенесли логический термин «часть речи» в изучение языка. Уточнив понятие падежа и указав, что оно может применяться только по отношению к именам, они разделили падежи на прямой (именительный) и косвенные и дали последним названия (родительный, дательный и т. п.), кото-

рые в дальнейшем закрепились и в греческой, и – с добавлением отложительного падежа, аблятива – в латинской грамматике, перейдя впоследствии и в грамматики других языков. Представителям стоической школы обязан своим использованием и термин «синтаксис».

Будучи сторонниками концепции «фюсей» и считая, что слова изначально истинны и отражают действительную природу обозначаемых ими вещей, стоики поставили задачу: исследуя слова, вскрыть их истинную природу – этимон (погречески – «истина»). Поэтому с ними связывают зарождение этимологии – науки об истинном значении слова (хотя следует оговорить, что этимологическими рассуждениями занимался еще Платон). Однако с точки зрения сравнительно-исторического языкознания этимологические изыскания стоиков (как, впрочем, и других античных, средневековых и позднейших авторов вплоть до девятнадцатого века) являлись в своем большинстве ненаучными, что, впрочем, не умаляет их значения с философско-психологической точки зрения.

Наконец, говоря о древнегреческой философии языка, отмечают, что ее представители занимались и такой дисциплиной, как фонетика, хотя при этом отождествляли звуки и буквы.

После походов Александра Македонского и последовавшего вслед за смертью великого завоевателя распада его державы на ряд эллинистических государств (т. е. государств, в

которых преобладали греческий язык и греческая культура, которые, однако, в определенной степени взаимодействовали с местными цивилизациями) начинается формирование нового этапа развития греческой лингвистической мысли, который часто называют грамматическим. Центром последнего становится эллинистический Египет, где в третьем-втором веках до н. э. сформировалась так называемая Александрийская школа грамматики, представленная именами *Аристарха Самофракийского*, *Дионисия Фракийского*, *Дионисия Галикарнасского*, *Асклепиада из Мирлеи*, *Деметрия Хлора* и др., создавших собственные, но близкие друг другу грамматические системы. Наиболее известной стала грамматика Дионисия Фракийского (170–90 до н. э.), содержание одной части которой составляет описание звуков речи, а другой – классификация слов и их форм.

Во втором веке до н. э. появляется сочинение *Аполлония Дискола* «О синтаксисе», причем сам термин толкуется в нем в широком смысле – как обозначение связи речевых элементов в их последовательности (слов в предложении, частей слов при словосложении, букв и слогов в слове и др.).

В рамках Александрийской школы создается и лексикографическая традиция, у истоков которой стояли *Зенодот из Эфеса*, *Аристофан Византийский*, *Аполлодор Афинский* и др. Типы создававшихся ими словарей были разнообразны: глоссарии (толкования непонятных слов и выражений), этимологические (пытавшиеся установить происхождение

слов), диалектологические (где отражались особенности греческих диалектов), идеографические (группирующие слова по общности выражаемых ими понятий) и др.

Вне поля внимания александрийских ученых не оставались и философско-психологические аспекты языка. И здесь, в первую очередь, объектом изучения стал вопрос о том, существует ли в языке какая-либо закономерность (аналогия) или же все зависит от «капризов употребления», часто не совпадающих с общими правилами (аномалия).

Поднявшие эту проблему представители стоической философии утверждали, что господствует в языке именно закрепленная употреблением аномалия.

Представители же Александрийской школы, признанным главой которой считается упоминавшийся выше *Аристарх Самофракийский* (215–143 до н. э.), напротив, считали, что язык обладает регулярным характером и, описывая его слова и формы, необходимо, исходя из соответствующих принципов, указывать на случаи их неправильного употребления. Вероятно, отмеченное обстоятельство предопределило тот факт, что именно с александрийской традицией оказалось связанным создание систематических грамматик, о которых говорилось выше (хотя рядом с регулярными правилами – «аналогиями» в них отмечались и всякого рода отклонения от них – «аномалии»)³.

³ В русском языке примером аномалии может служить слово «черепаша»: принадлежа грамматически к женскому роду, оно обозначает особей как мужского,

Что касается древних римлян, то принято считать, что их знакомство с греческой традицией относится к 167 году до н. э., когда в Рим прибыл с посольством глава пергамской школы Кратес из Малоса. Характеризуя вклад римских ученых в изучение языка, часто подчеркивают, что он, по сравнению с трудами их греческих предшественников, был относительно незначителен, поскольку занимались они, главным образом, приложением александрийской системы к латинскому языку. Однако нельзя не обратить внимание на то бесспорное обстоятельство, что многие идеи, выдвинутые греческими авторами, были продолжены в рассуждениях их римских коллег. Наиболее полное отражение они (как, впрочем, и другие аспекты изучения языка) нашли в деятельности крупного римского ученого *Марка Теренция Варрона* (116–27 до н. э.), отличавшегося исключительной широтой интересов и писавшего по самым разнообразным проблемам, включая сельское хозяйство (многие взгляды греческих авторов известны именно благодаря его передаче).

Своеобразным итогом развития античной традиции стали два труда «*Ars grammatica*» («Грамматическое искусство») *Элия Доната* и «*Institutionum grammaticarum*» («Об основах грамматики») *Присциана*. Первая была создана в третьем-четвертом веках нашей эры и представляла собой относительно сжатый свод правил латинской грамматики. Вторая, появившаяся в Константинополе в шестом веке н. э.

(т. е., строго говоря, уже после традиционно понимаемого «конца античности»)⁴, состояла из 18 книг, представляя собой самую полную из античных грамматик. Именно она стала основной базой, на которую опирались в своих грамматических изысканиях средневековые авторы.

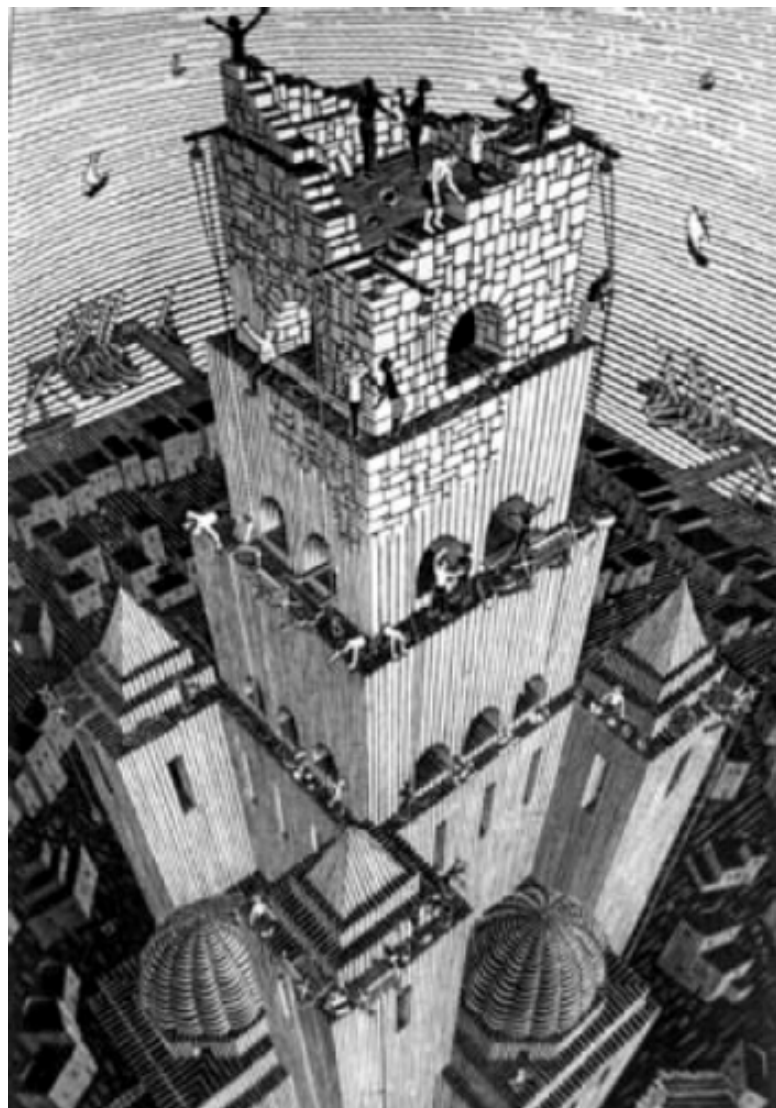
Таким образом, античные мыслители охватили в своих трудах большинство тех проблем, разработкой которых занимались ученые последующих веков. Поиск античных ученых имел смешанный характер: с одной стороны, усилия направлялись на описание изучаемого явления, что выражалось в грамматических разработках. Это – лингвистическая линия исследований. С другой стороны, ученые стремились понять глубинные основания слова; выясняли, возникает ли язык по уговору или «по природе». Эту сторону следует квалифицировать как психологическую. Таким образом, можно констатировать признаки психолингвистического подхода в теориях античных ученых.

2.1.3. Божественное происхождение языка

Одна из известных теорий происхождения языка говорила о его божественном начале. Она излагается в Библии как история о том, что Бог наделил Адама правом именовать

⁴ Как известно, условным рубежом, отделявшим античность от Средневековья, принято считать 476 год, когда пала Западная римская империя.

все творения, созданные на земле. Адам, давая существам имена, вкладывал в них Божественную душу, вводил в мир Бога. Тогда имя становилось важнейшей составной частью называемого объекта и обожествлялось. Требовалось в этом случае объяснить, почему на земле много языков. Этому отвечала легенда о Вавилонской башне. Люди, поселившись в мире, обольстились мыслью о своем могуществе и решили, построив огромную башню высотой до неба, достигнуть Бога. Чтобы помешать их планам, Бог лишил их общего языка. Сделалось вавилонское столпотворение, работа по строительству башни не могла продолжаться, и люди рассеялись по земле каждый со своим языком.

Вавилонская башня. Гравюра М. Эшера. 1928 г.

Много позднее идея божественной сущности языка нашла свое проявление в так называемом *имяславском движении* в религиозно-философских разработках. *Имяславие* (по-гречески – оноματοдоксия) в буквальном переводе означает *прославление имени*. Как философская тема оно зародилось в начале XX века в Афонском монастыре, возглавлявшемся тогда иеромонахом Антонием, и получило довольно широкое распространение в церковной среде, хотя и было поначалу осуждено церковной администрацией. Многие видные отечественные религиозные философы – П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков и особенно А. Ф. Лосев – поддерживали и разрабатывали идеи имяславия. Лосев считал их сущностью православного христианства, он рассматривал эту тему в двух своих крупных произведениях: *Философия имени* и *Вещь и имя* (Лосев. *Бытие...*, 1993).

Теория Лосева трактует природу языка в связи с деятельностью Первосущности, т. е. христианской Абсолютной Личности, Творца. Сущность сама себя облекает в язык, семантическую форму, которая соответствует цели самопонимания. Именованное – это высший принцип самопроявления Сущности, на его основе через истечение энергии из Первосущности происходят первичные имена. Имя становится «энергийной скрепой» между первосущностью и бытием, внутренним стержнем бытия. В первичном имени содер-

жится основа всех семантических процессов, протекающих в языковой деятельности человека.

Человеческое слово имеет ту же энергийную основу, что и первичные имена, поскольку личность владеет доступной ей степенью сущностной энергии. В человеческом слове происходит общение энергии первичного имени с энергией субъекта. Полное воссоединение с Сущностью в человеческом слове невозможно, но возможно частичное, опосредованное использование символа, несущего на себе энергию Сущности. «В этой вечной и чудесной смысловой игре абсолютного с самим собою и со всем инобытием и заключается последняя тайна именования», — завершает ученый свою вторую книгу *Вещь и имя* (там же, с. 880).

Идея божественности языка нашла свое проявление не только в науке и философии, но также в литературе, искусстве. Дух этой идеи содержится во многих поэтических произведениях Пушкина, Ахматовой. Очень ясно он выражен в стихотворении Н. Гумилева 1919 года *Слово*, сокращенный вариант которого приводится ниже.

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

*И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,*

*Если, словно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.*

*Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это Бог.*

Представление о высокой значимости речи и языка выражается и в изобразительном искусстве. Известна фреска Боттичелли XV века, где изображена сцена представления Венерой юноши семи свободным искусствам. Эти искусства: Грамматика (слово, язык), Риторика, Логика, Арифметика, Астрономия, Геометрия, Музыка. Каждое искусство в виде аллегорической женской фигуры имеет в своих руках символ своего дела. Примечательно, что в руках Грамматики лук – символ посыла, направляемого в цель, а ее фигура возвышается над всеми другими, символизируя ее власть.

Фреска Боттичелли.

В представленных здесь идеях трудно рассмотреть признаки психолингвистической ориентации. Однако для нашего анализа оказывается привлекательной обращенность к глубинным основаниям слова в мироустройстве. Мифологичность и налет мистицизма в приведенных суждениях не должны заслонить этого.

2.1.4. Идея рациональности языка. «Грамматика Пор-Рояля»

XVII век принес с собой идею рациональности в понимании природы языка. Эта идея восходила к философу Ре-

не Декарту (1596–1650), который в своей работе «Рассуждения о методе для хорошего направления разума и отыскания истины в науках» утверждал, что в основе нашего мышления лежат рациональные врожденные идеи: числа, фигур, логические и математические понятия. Из этих идей возникает язык. Хорошо развитое мышление порождает ясный и логичный язык. Логика мысли отражается в логике языка. Каждому акту мысли есть соответствие в языке.

Монастырь Пор-Рояль.

Рациональное отношение к речи и языку отразилось в

примечательном произведении, вышедшем в 1660 году в Париже. Это была относительно небольшая книга с длинным по обычаю того времени заглавием: «Грамматика общая и рациональная, содержащая основы искусства речи, изложенные ясным и естественным образом, толкование общего в языках и главные различия между ними, а также – многочисленные новые замечания о французском языке». Ее авторами (кстати, в первом издании их имена указаны не были) являлись двое французских ученых – логик и философ *Антуан Арно* (1612–1694) и крупный педагог, знаток классических и новых языков *Клод Лансло* (1615–1695).

Названной работе суждено было стать значительным явлением в истории науки о языке. Отношение к ней в разные эпохи было полярно противоположным – от восторженного признания до почти полного отрицания, но игнорировать этот труд оказалось невозможным.

В истории языкознания он известен под разными именами. Наиболее часто его называли «рациональной грамматикой», подчеркивая (опять-таки с различной оценкой) присущий названному сочинению логический характер. Встречаются также связанные с предыдущим термины «универсальная» и «всеобщая» грамматика (поскольку логическая основа является общей для всех языков). После работ Н. Хомского получило распространение словосочетание «картезианская лингвистика», выделяющая связь представленной в названном сочинении концепции с философской системой

Рене Декарта⁵. Называли ее и «философской грамматикой». Наконец, по тому месту, где она была создана – знаменитому женскому монастырю Пор-Рояль под Парижем, вокруг которого существовал кружок ученых, в состав которого входили и авторы грамматики, она известна как «Грамматика Пор-Рояля».

При всей оригинальности и научном новаторстве создателей «Грамматики Пор-Рояля», ее появление имело своих научных предшественников. Во Франции выделяют в этой связи деятельность *Пьера де ля Раме* (латинизированная форма – *Рамус*) (1515–1572), трагически погибшего в Варфоломеевскую ночь. Им были созданы грамматики греческого, латинского и французского языков, в которых, помимо орфографических и морфологических наблюдений, завершается создание синтаксической терминологии и принимает окончательный вид сохранившаяся до наших дней система членов предложения. Еще более важную роль сыграла написанная по-латыни книга испанского ученого *Франсиско Санчеса* (латинизированная форма – *Санкциус*) (1523–1601) «Минерва, или о причинах латинского языка», вышедшая в свет в 1587 году. Ее теоретические основания оказываются близки логическому базису «Грамматики Пор-Рояля».

Философской основой концепции авторов «Грамматики Пор-Рояля», как уже отмечалось, стала рационалистическая система Декарта, хотя сам Арно и полемизировал со своим

⁵ Картезиус (Cartesius) – латинизированная форма имени Декарта.

великим современником по некоторым вопросам. Основную задачу своей работы авторы видели в создании такой системы, которая позволила бы разумно объяснить явления, либо общие для всех языков, либо присущие хотя бы некоторым из них. Вместе с тем они не отказывались и от решения нормативных задач: сама грамматика определяется как «искусство речи» и в ряде случаев указывается, какие обороты следует «рекомендовать к употреблению». В качестве фактического материала использовались, помимо французского, данные традиционных классических (древнегреческого, латинского, древнееврейского), а также в определенной степени, других языков, прежде всего романских.

Выделяются следующие моменты в основных положениях «Грамматики Пор-Рояля»:

– Существует общая логическая основа для всех языков, от которой, однако, отдельные конкретные языки отклоняются в большей или меньшей степени. Грамматика теснейшим образом связана с логикой, призвана ее выражать и базируется на ней. Отсюда следует, что грамматический разбор самым тесным и непосредственным образом связан с логическим.

– Вместе с тем между грамматикой и логикой нет однозначного соответствия. Так, логически сложные понятия могут выражаться в простых словах, а простые понятия – в сложных терминах.

– В каждом языке можно выделить «ясные» и «сложные»

значения. Первые логически упорядочены и доступны логическому анализу, по существу и воплощая мысль, которая выражается в языке; вторые представляют собой языковые выражения, логически не упорядоченные, противоречивые, управляемые только обычаем, подверженные моде и капризам вкуса отдельных людей.

– Между двумя слоями языка – рациональным и обиходным – существуют достаточно сложные отношения. «Обиход» не всегда согласуется с «разумом»: например, собственные имена, обозначая вещь единичную и определенную, не нуждаются в артикле, однако последний в греческом часто ставится даже с именами людей, а в итальянском такое употребление стало обычным. Аналогичными «причудами обихода» можно объяснить и родовую принадлежность тех существительных, у которых она не мотивирована: скажем, латинское *arbor* («дерево») женского рода, а французское *arbre* – мужского.

– Предложение определялось в «Грамматике» как высказанное нами суждение об окружающих предметах и говорилось, что каждое предложение имеет обязательно два члена: субъект, о котором что-то утверждается, и атрибут – то, что утверждается. Авторы «Грамматики Пор-Рояля» обращают внимание на те случаи, когда одно предложение может заключать в себе несколько суждений. Например, в предложении «Невидимый Бог создал видимый мир» наличествуют три суждения: 1) Бог невидим; 2) Он создал мир; 3) Мир ви-

дим. Главным здесь является второе предложение, тогда как первое и третье представляют собой придаточные, входящие в главное как его собственные части.

– В отличие от философов последующего – восемнадцатого столетия Арно и Лансло не говорят прямо о происхождении языка. Однако используемые ими выражения типа «люди изобрели», «люди придумали» и т. п. позволили исследователям прийти к выводу, что они склонялись к идее, согласно которой язык можно рассматривать как продукт соглашения между людьми и тем самым в какой-то степени их можно признать предшественниками теории «общественного договора».

Дальнейшая судьба «Грамматики Пор-Рояля» оказалась сложной. В течение последующих десятилетий появился, прежде всего в самой Франции, ряд трудов, исходивших из ее основных положений, но вместе с тем модифицирующих и уточняющих их. Особую роль сыграли примечания к ней выполненные почти столетие спустя (в 1754 году) королевским историографом *Шарлем Пино Дюкло* (1704–1772), который рассматривал важный для нормативной грамматики вопрос о соотношении между «разумом» и «обиходом» и возможности сознательного «исправления» языка.

Воздействие «Грамматики Пор-Рояля» не ограничивалось пределами Франции. Будучи переведенной на ряд европейских языков, она послужила толчком для создания ряда аналогичных исследований, среди которых выделяют труд

английского ученого *Джеймса Харриса* (1709–1786) «Гермес, или философское исследование о языке и универсальной грамматике», вышедший в 1751 году. Сам же принцип логического подхода к описанию языка продолжал сохраняться еще во многих лингвистических трудах XIX века, найдя свое воплощение в трудах немецкого ученого *Карла Беккера* (1775–1848).

Однако с возникновением сравнительно-исторического языкознания «Грамматика Пор-Рояля», попавшая в «донаучный» период изучения языка, стала объектом ожесточенной критики, прежде всего за то, что в ней отсутствовала идея исторического развития языка, а сами языковые факты «втискивались» в логические схемы. И лишь XX столетие, в свою очередь, пересмотревшее претензии компаративистики на исключительную «научность», вновь «реабилитировало» труд Арно и Лансло, в чем Ноам Хомский сыграл активную роль.

В заключение раздела отметим выраженность психолингвистической ориентации «Грамматики Пор-Рояля». Основной вектор анализа в книге – последовательное проведение сопоставления логических мыслительных операций, совершаемых по ходу речевой деятельности человеком, со способом выражения этих операций в лингвистических (грамматических) формах.

Проблема выражения в речи мыслительного содержания сохраняет свое значение и в науке сегодняшнего дня. Пере-

дача мысли – одна из основных функций языка. Однако передача эта не может происходить непосредственно как некоторого рода «отражение» мысли в речи говорящего. Это «отражение» составляет глубокую научную проблему, частично разрабатываемую в рамках темы «речевая семантика».

2.1.5. Значение внешних воздействий или внутренних способностей к языку. Лейбниц против Локка

Один из активно обсуждаемых вопросов современной психолингвистики обращен к теме зависимости языка от внешних или внутренних условий. Этот вопрос рассматривается сейчас преимущественно в аспекте онтогенеза: в какой мере речь младенца развивается как усвоение речи окружающих или же основное значение имеют заложенные от рождения психические способности. Эта альтернатива расколола научные позиции. В XX веке преобладала так называемая «социологическая модель», согласно которой «речевое развитие» идет как «вращивание» данного извне языкового материала в психику младенца. Прогресс психогенетики и более пристальное изучение речевого онтогенеза накопили убедительные данные о первостепенной значимости «внутренних», психологических способностей. Альтернатива продолжает сохранять актуальность.

Обращение к истории обнаруживает предшественников

сегодняшней проблемы еще в XVII–XVIII веках. Здесь в первую очередь следует назвать имена англичанина *Джона Локка* (1632–1704), отстаивавшего идею первенства внешних воздействий в усвоении языка, и немецкого ученого *Готфрида Лейбница* (1646–1716), подчеркнувшего значение внутренних психологических способностей.

Локк принадлежал к плеяде философов, получивших имя сенсуалистов. Их основная позиция – постараться понять человеческую психику как имеющую естественное происхождение через посредство поступающих из органов чувств впечатлений. Знаменитая формула Локка гласит: «Нет ничего в интеллекте, чего не было бы в чувствах». В трактате «Опыт о человеческом разуме» Локк помещает главу «О словах». Здесь он выступает как конвенционалист. Слова – произвольно выбранные обозначения идей. Они вовсе не отражают естественных связей между специфическими звуками и определенными идеями. Назначение слов – быть понятными символами для выражения идей. Слова являются символами идей, а идеи – «подлинное и непосредственное наполнение» знака. В то же время с помощью слов создаются общие и абстрактные идеи. Это дает возможность человеку развиваться в особое, высшее существо на земле.

Дж. Локк

Готфрид Лейбниц – энциклопедист с широким кругом интересов, математик, лингвист. Он поднял на щит тему внутренних способностей, определяющих возникновение и функционирование языка. К формуле Локка «Нет ничего в интеллекте, чего не было бы в чувствах» остроумно добавил: «... кроме самого интеллекта». В своей работе «Новые опыты о человеческом разуме» (1704) он непосредственно полемизировал со своим именитым оппонентом⁶. По мысли Лейбница, душа изначально содержит в себе основания различных понятий, которые только пробуждаются внешними объектами. Врожденные идеи заключены в разуме, как прожилки камня в глыбе мрамора. Слова – не конвенциональные знаки. Они «вовсе не так произвольны и случайны, как это представляется некоторым, поскольку вообще нет ничего случайного в мире, и только наше незнание не позволяет иногда выяснить скрытую от нас причину»⁷. Естественная природа языков, по мнению Лейбница, основана на звуках.

⁶ Отметим попутно высокое нравственное начало в действиях Лейбница. Опонируя позиции своего старшего и авторитетного современника Локка, он стойчиво, но безуспешно искал с ним прямого контакта (что было в то время не так просто: Локк – житель Англии, Лейбниц – Германии). Когда же в 1704 году Локк умер, Лейбниц не стал публиковать свою уже законченную полемическую книгу «Новые опыты»; книга была издана лишь после смерти самого Лейбница, в 1765 году.

⁷ Цит. по: Амирова и др., 1975, с. 198.

Поэтому он активно занимался этимологическим анализом, прослеживал исторические пути происхождения словесных форм, полагая, что в их основе лежит нечто примитивное, первоначальное. В этой связи он изучал этимологию языков Азии, Исландии, Африки, составлял обширные списки семейств слов, работал как современный лингвист.

Общая позиция Лейбница о значении психологических способностей для языка привела ученого к важнейшей мысли, выраженной в труде «Новые опыты о человеческом разуме». Она состояла в том, что язык рассматривался как средство постичь сущность мышления и предпосылка создания «новой логики», которая могла бы стать искусством научного открытия и «инструментом исчисления». Это станет возможным благодаря логическому анализу языка, который, в свою очередь, приведет к созданию универсальной логической символики, содержащей знаки, соотносящиеся со всеми предметами мышления, а также правила оперирования последними, что позволит отобразить всю картину мышления. В связи с этим Лейбниц приходит и к идее создания «философского языка» как инструмента универсального логического исчисления, которая была изложена им еще в 1666 г. в написанной по-латыни диссертации «Об искусстве комбинаторики».

Вообще, идея создания некоего «всемирного идеального языка» в тот период была весьма популярна в научных кругах. Еще в 1629 г. свои взгляды по этому вопросу изложил

Рене Декарт, а в 1661 г. одно из сочинений такого рода написал восемнадцатилетний Исаак Ньютон, чьи отношения с Лейбницем, как известно, носили весьма непростой характер в связи с вопросом о приоритете в открытии дифференциального исчисления. Однако труд Лейбница отличается несомненной оригинальностью и является одной из наиболее замечательных работ в этой области.

Ключ к созданию такого рода «философского языка» немецкий мыслитель усматривает прежде всего в разработке проблем пазиграфии – «искусства сноситься посредством общих письменных знаков со всеми народами на земле, говорящими на разных языках, если только они знают эти общие знаки» (цит. по Амирова и др., 1975, с. 199). Считая, что язык должен быть максимально близок к логико-философским и математическим построениям и представлять тем самым «орудие разума», Лейбниц подчеркивал, что слова не только должны передавать сами идеи, но и делать наглядным их соотношение. При этом он исходил из тезиса, согласно которому все сложные идеи можно рассматривать как комбинацию простых идей, подобно тому как все делимые числа представляют собой произведения неделимых. Разложение же сложных понятий на простые и будет осуществляться на основе правил комбинаторики. Согласно последним, различается ряд групп терминов. Термины первого порядка представляют собой простые понятия. Термины второго порядка – пары простых понятий. Термины третьего порядка

— это либо три термина первого порядка, либо комбинация двух терминов первого порядка с одним термином второго порядка и т. д. Таким образом, все сложные понятия в конечном итоге могут быть разложены на термины первого порядка, т. е. на своего рода «атомы смысла». Отсюда следует, что словесные рассуждения в принципе могут быть заменены вычислениями, а сам процесс мышления допускает выражение посредством алгебраических превращений.

Такого рода «азбука человеческой мысли» способна выполнять ряд задач. Во-первых, она может служить международным вспомогательным языком. Во-вторых, являясь простой системой символов, она позволит выражать все существующее или возможное знание. Наконец, в-третьих, она станет и орудием открытия новых истин из уже известных путем применения соответствующих формальных правил.

Как неоднократно отмечалось в специальной литературе, именно эти идеи немецкого философа дали толчок развитию символической логики, а впоследствии оказались полезными и при разработке проблем математической логики.

В ряде своих работ Лейбниц уделял большое внимание проблемам установления языкового родства. Он выражал надежду, что со временем, когда появятся грамматики и словари всех языков мира, будут созданы и основы для разрешения вопроса о классификации языков и родственных отношений между ними. Сам Лейбниц приложил немало усилий для организации описания и исследования ранее не изу-

ченных языков, подчеркивая важность установления границ между последними и фиксирования их на географических картах. Особое место в своей программе философ отводил России, на территории которой представлено огромное количество самых разнообразных языков. Еще в 1696 г. в письме Иоганну Габриелю Спарвенфельду, входившему в состав отправлявшегося в Россию шведского посольства и выучившему русский язык, Лейбниц писал: «Было бы хорошо исследовать славянские языки: я постоянно удивляюсь, что часто у соседних народов, каковы германцы и славяне, языки так различны. Может быть, между ними находились в прежнее время народы, которые составляли менее резкий переход от одного языка к другому, которые теперь истреблены. Я вас прошу сказать мне ваше мнение об этом славянском языке: с каким языком он представляет больше сходства, с языком ли поляков, или чехов, или же с языком славян, живущих около Адриатического моря» (Амирова и др., 1975, с. 201).

Впоследствии обширную программу описания многочисленных языков России и создания соответствующих словарей Лейбниц выдвинул в знаменитом письме от 26 октября 1713 года, адресованном Петру Первому (напомним, что император несколько раз лично встречался с немецким философом и высоко ценил его рекомендации, касающиеся распространения науки и просвещения в России).

Именно осуществляя мысли Лейбница, Петр послал взя-

того в плен под Полтавой шведа Филиппа-Иоганна Страленберга в Сибирь для изучения местных народов и языков. Опубликованные последним в 1730 г. после возвращения на родину материалы сыграли важную роль в дальнейшем развитии языкознания.

Можно видеть, что лингвистическое наследие Лейбница представляет собой разностороннее и многогранное явление, в своем глубинном основании опирающееся на психолингвистическую по характеру мысль о внутренней обусловленности языковых проявлений.

2.1.6. Язык и дух. Концепция Вильгельма фон Гумбольдта

На смену рационализма 19-й век принес романтическую идею: язык – проявление человеческого духа. Сущность языка в том, как дух обнаруживает себя в нем. Крупнейшим представителем этой позиции стал немецкий ученый Вильгельм Гумбольдт (1767–1835). Он явился одним из крупнейших представителей научно-философской мысли Германии конца XIX – начала XX века, отличался широтой и многообразием научных интересов. В течение ряда лет он занимал ответственные государственные посты, основал Берлинский университет, находился в дружеских отношениях с виднейшими представителями немецкой культуры своего времени (включая Шиллера и Гете), создал ряд работ в области фило-

софии, эстетики, юриспруденции, литературоведения, занимался теорией и практикой художественного перевода. Хотя проблемы, связанные с языком, также постоянно находились в сфере его внимания, однако основные труды по языкознанию были созданы им, главным образом, уже в заключительные 10–15 лет жизни. Важнейшими из них признаются: «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» (1820 г.); «О возникновении грамматических форм и их влиянии на развитие идей» (опубликована в 1825 г.) и др. В последний период Гумбольдт работал над трехтомным сочинением «О языке кави на острове Ява», которое он не успел завершить. Оно было посмертно опубликовано братом Вильгельма, знаменитым путешественником и естествоиспытателем Александром фон Гумбольдтом. Особое значение имело теоретическое введение к этому труду «О различии строения человеческих языков и их влиянии на духовное развитие человечества», вышедшее в свет в 1836 году и представлявшее собой наиболее полное изложение его концепции. На русском языке основные произведения Гумбольдта вышли в 1984 г., по этому изданию здесь и цитируются его труды.

Создавая свою концепцию, немецкий мыслитель во многом опирался на традиции немецкой классической философии конца восемнадцатого-начала девятнадцатого столетий: Канта (преемственную связь с которым многие историки языкознания признают особенно тесной), Фихте, Шел-

линга и принадлежавшего с ним к одному поколению Гегеля. Указанное обстоятельство в какой-то степени сказалось и на стиле гумбольдтовских трудов, что порой приводило к различной (а иногда и диаметрально противоположной интерпретации позднейшими авторами тех или иных его воззрений).

Тем не менее большинство исследователей, излагая взгляды Гумбольдта, выделяют в них ряд основных моментов.

– «Язык вообще» есть проявление «человеческой духовной силы». Каждый отдельный язык неразрывно связан с «духом» говорящего на нем народа. «Язык есть как бы внешнее проявление духа народа: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное». Причем, как подчеркивает Гумбольдт, именно «духовная сила народа является самым жизненным и самостоятельным началом, а язык зависит от нее».

– Язык теснейшим образом связан с мышлением, которое невозможно без языка. При этом оно «не просто зависит от языка вообще», а «до известной степени: определяется каждым конкретным языком». Отсюда следует, что, помогая человеку познавать мир, язык одновременно определяет, как именно будет происходить сам процесс такого познания. «Человек преимущественно – да даже исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависит от его представлений – живет с предметами так, как их преподносит ему язык: И каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка». Различие языков – это не только различие звуков и знаков, но и различие самих мировоззрений. Поэтому при

знакомстве с неизвестным языком необходимо его «изучать во всем его своеобразии», а не с позиций другого языка (родного или латинского), поскольку последнее неизбежно приводит к неточности в обозначении грамматических понятий. Например, то, что испанские или португальские исследователи индейских языков называли инфинитивом, отнюдь не совпадает с тем инфинитивом, который имеется в европейских языках.

– Язык представляет собой важнейший компонент человеческой культуры, причем по сравнению с другими ее проявлениями он наиболее бессознателен, «в нем никогда нельзя видеть намеренное произведение, создание народов», которые пользуются им, сами не зная, как его построили. Поскольку язык отражает каждую стадию развития культуры, существуют более и менее совершенные языки, хотя, как неоднократно оговаривает Гумбольдт, «язык и цивилизация вовсе не всегда находятся в одинаковом соотношении друг с другом». Более того, так называемые примитивные и некультурные языки могут иметь в своем устройстве выдающиеся достоинства, превосходя в этом отношении «языки более культурных народов».

– Язык следует рассматривать не как мертвый продукт, а как созидаящий процесс; он представляет собой не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*). В подлинном и действительном смысле под языком следует понимать всю совокупность актов речевой деятельности, представляющей

собой постоянно возобновляющуюся работу духа, которая направлена на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли. Поэтому расчленение языка на слова и правила представляет собой не что иное, как мертвый продукт научного анализа (хотя необходимость последнего Гумбольдт вполне признает). С другой стороны, следует отличать язык как массу всего, произведенного речью, от самой речи в устах народа.

– Язык состоит из материи (субстанции) и формы. Материя представляет собой звук и совокупность тех впечатлений, которые предшествуют образованию понятия, совершаемого с помощью языка. При этом в языке не может быть никакой неоформленной материи: сам звук становится членораздельным благодаря приданию ему формы. Именно она и составляет суть языка, определяясь как «постоянное и единообразное в деятельности духа, возвышающее членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности». Форма каждого языка специфична и неповторима, хотя форма отдельных генетически родственных языков должна находиться в соответствии с формой всей семьи языков, к которой они принадлежат. Вместе с тем, когда речь идет о самых общих чертах, то можно говорить и об общей форме всех языков.

– Языковая форма не сводится к внешней звуковой форме (выражению, создаваемому языком для мышления). Гораздо более важна внутренняя форма, представляющая собой вы-

ражение народного духа, способ объективации мысли в языке. В этом смысле язык отражает не предметы, а понятия о них: например, в санскрите слона называют либо дважды пьющим, либо двузубым, либо снабженным рукою. Каждое название содержит особое понятие, но все они обозначают один и тот же предмет.

– Характернейшей чертой языка является то, что он как целое состоит из диалектически связанных друг с другом противоречий – антиномий. Кроме уже отмеченных выше (противопоставление языка и речи, языка и мышления и др.), можно указать и некоторые другие. Например, язык субъективен по отношению к познаваемому и объективен по отношению к человеку; он вечно изменяется и в то же время необыкновенно устойчив; он принадлежит одновременно и отдельному человеку и целому коллективу. С этим связана важнейшая особенность процесса коммуникации: говорящий и слушающий, воспринимая предмет с разных сторон, вкладывают в одно и то же слово не вполне одинаковый смысл. Поэтому взаимное понимание между говорящими есть вместе с тем непонимание, а согласие в мыслях и чувствах – в то же время и несогласие.

Представленные материалы о взглядах Гумбольдта на природу языка обнаруживают психолингвистический вектор в основании его позиции: выявление связи языковых проявлений со сторонами человеческой психики – духом народа, духом индивида. Эта тема в несколько модифицированной

форме сохраняет свое значение в современной психолингвистике. Можно в положительном смысле отметить стремление ученого конкретизировать эти трудно определяемые понятия. «Дух народа», «духовная сила народа» сближаются им с феноменом мышления, познанием мира, представлениями, ощущениями, действиями. Он пишет: «первое и самое существенное из того, что дух требует от языка – это не смешение, а четкое разграничение вещи и формы, предмета и отношения... такое разграничение происходит только при образовании грамматических слов». В этой связи Гумбольдт подчеркивает, что именно язык дает такую форму, в языке не может быть никакой неоформленной материи. Постоянное и единообразное в деятельности духа возвышает членораздельный звук до выражения мысли. Гумбольдт выделяет понятие внутренней формы языка как способ объективации мысли. В этой связи находятся его работы по исследованию многих типов языков – флективных, аффиксальных, аморфных и др.

Отметим, однако, что при конкретном характере психолингвистических исследований Гумбольдта, психологическую часть его работ и используемые понятия все же следует признать расплывчатыми и в известной мере абстрактными. Все же само направление его поиска сохраняет значение и в наши дни.

2.1.7. Язык и мысль. А. А. Потебня и развитие лингвистического психологизма в России

Среди последователей Гумбольдта видное место принадлежит нашему соотечественнику Александру Афанасьевичу Потебне (1835–1891). Главная тема его труда – вопрос о соотношении языка и мысли. Эта тема, по его мнению, исчерпывает все языковедение. Основная идея Потебни состояла в том, что язык формирует мысль, является порождающим мысль механизмом. Отсюда возникает возможность увидеть в языкознании материал для изучения развития мысли. Так, грамматические категории дают возможность развиваться основным категориям мысли. Построение предложений можно рассматривать как взаимодействие понятийных категорий. Рост предикативности в языке связан с эволюцией сознания, когда идея процесса, динамики становится ведущей. В этих общих воззрениях Потебни на природу языка можно видеть развитие той линии, которая связана с идеей «промежуточного мира» (мира, создаваемого языком) Вайсгерберга, гипотезой лингвистической относительности Сепира-Уорфа.

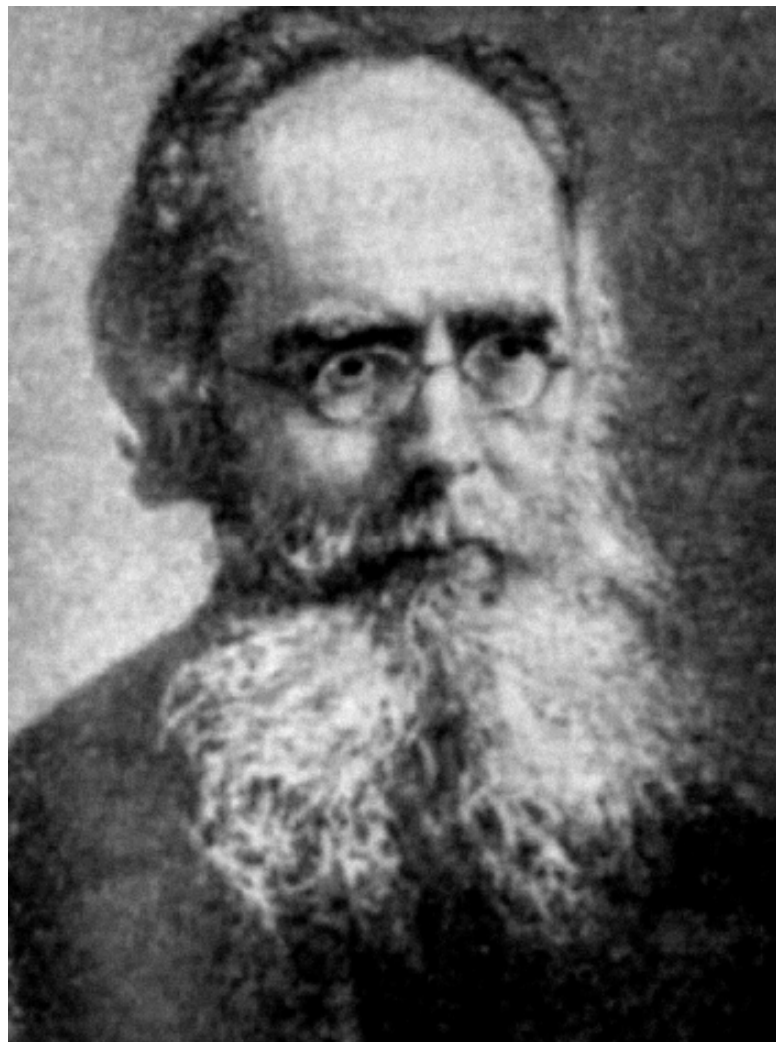
С концепцией А. А. Потебни связано представление о развитии лингвистического психологизма в русском языкознании второй половины девятнадцатого века. Много лет он был профессором Харьковского университета, воспитав-

шим целую плеяду талантливых (правда, уступавших своему учителю) исследователей и положившему начало направлению, вошедшему в историю науки под именем «поттебнианства», или Харьковской лингвистической школы (хотя воздействие его идей и не ограничивалось только кругом непосредственных слушателей). Если первоначально в Поттебне видели прежде всего продолжателя идей Гумбольдта и Штейнтала на российской почве, то начиная со второй половины прошлого столетия стали акцентироваться прежде всего оригинальность и своеобразие его мировоззрения. Неоднократно отмечалась и широта его интересов: помимо собственно лингвистических работ наследие харьковского языковеда включает труды, посвященные литературоведению, фольклору, мифологии, философии искусства и др.

Приходится принимать во внимание то обстоятельство, что теоретические работы харьковского языковеда (прежде всего относящаяся к 1862 году книга «Мысль и язык» и многотомное исследование «Из записок по русской грамматике», две первые части которого были защищены в качестве докторской диссертации в 1874 году) написаны достаточно своеобразным языком и отличаются специфическим стилем изложения, в какой-то степени затрудняющим выделение основных положений его концепции и последовательное и непротиворечивое изложение последних⁸. Взгляды Поттебни можно формулировать в нижеследующих основных тези-

⁸ Цитаты из названных работ Поттебни приводятся по изданиям 1959 и 1974 гг.

cax.

Язык и мышление находятся в сложных и противоречивых отношениях друг с другом. С одной стороны, «область языка далеко не совпадает с областью мысли (ср. творческую мысль живописца, музыканта, шахматиста)»; с другой же – «язык есть необходимое условие мысли отдельного лица даже в полном уединении: средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее...»

Язык представляет собой не сложившийся продукт, а деятельность, поток непрерывного словесного творчества (ср. соответствующие высказывания В. фон Гумбольдта). Поэтому слово приобретает смысл только в речи, функционируя в составе предложения и проявляя свои свойства по отношению к другим словам: «... Вырванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни тем более формальных свойств, потому что их не имеет».

Отсюда Потебня делает вывод, что реально слово всегда имеет только одно значение, поскольку «малейшее изменение в значении делает его другим словом».

В каждом слове выделяется три элемента: членораздельный звук, представление и значение. При этом между значением и представлением существует неравенство: в значении всегда заключено больше, чем в представлении. «Поэтому значение, имеющее более широкий характер, стремится оторваться от сравнительно узкого представления (ср., напри-

мер, соотношение слова „защита“ со словом „щит“). В результате между ними растёт несоответствие, могущее привести к забвению представления».

В слове существует два содержания – субъективное и объективное. Первое представляет собой ближайшее этимологическое значение слова и всегда содержит в себе только один признак; второе является дальнейшим и может содержать множество признаков. Так, стол может иметь ряд признаков, но само слово «стол» означает только «посланное», что и даёт возможность обозначать им всякие столы, независимо от формы, величины материала и т. п. «... Ближайшее значение слова *народно*, между тем как дальнейшее, у каждого различное по количеству и качеству элементов, *лично*».

Нельзя найти двух человек, которые вкладывали бы одинаковое содержание в слово, поэтому полное понимание в процессе общения невозможно. Вследствие этого «всякое понимание есть непонимание, всякое согласие в мыслях – вместе и несогласие». Так же невозможен и перевод с одного языка на другой без определенного изменения смысла, ибо слово первого не может быть тождественно слову второго, даже если оба относятся к одному и тому же предмету или явлению.

Если исключить субъективное значение, то в слове «останется только звук, т. е. внешняя форма, и этимологическое значение, которое тоже есть форма, но только внутренняя». Сама внутренняя форма может быть определена по-разному.

Помимо квалификации ее как ближайшего этимологического значения, она понимается как а) отношение содержания мысли к сознанию, показывающее, как представляется человеку его собственная мысль; б) центр образа, т. е. один из его признаков, преобладающий над прочими признаками; в) «образ образа», т. е. представление.

Кроме конкретного (частного, или лексического) значения, слово включает в себе «указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями, под которые содержание этого слова подводится наряду с содержанием многих других». При этом грамматические категории тесно связаны с лексическим значением, поскольку «вещественное и формальное значение слова составляют один акт мысли».

Важнейшим понятием грамматики является грамматическая форма, которая представляет собой «значение, а не звук». Поэтому нельзя отождествлять ее с окончанием, поскольку многие грамматические формы в определенных случаях не имеют звукового обозначения: «Если при сохранении грамматической категории звук, бывший ее поддержкою, теряется, то это значит не то, что в языке ослабло творчество, а то, что мысль не нуждается более в этой внешней опоре, что она довольно сильна и без нее, что она пользуется для распознавания другим, более тонким средством, именно знанием места, которое занимают слова в целом, будет ли это целою речью или схемою форм». Таким образом, грам-

матическая форма представляет собой, прежде всего, семантико-синтаксическое понятие и может выражаться не только формальными элементами слова, но и синтаксическими связями. При этом «нет формы, присутствие и функция которой узнавались бы иначе как по смыслу, т. е. по связи с другими словами и формами в речи и языке».

Приведенные материалы показывают, что направленность работы Потебни содержала в себе ясную психолингвистическую ориентацию. Им исследовались и получили конкретизацию важнейшие психолингвистические вопросы – связи мысли и слова, внутренней формы слова. Конечно, по характеру использованного материала и способам его анализа Потебня оставался в первую очередь лингвистом. Однако интуитивно он, видимо, ощущал недостаточность использования только лингвистического материала и настойчиво обращался к психологической, субъективной стороне языковых явлений. Можно надеяться, что идеи Потебни могут быть в наши дни продуктивно развиты в психологическом плане.

Подводя итоги научной деятельности Потебни, следует подчеркнуть, что многие идеи названного ученого сохраняли свою актуальность в течение всего двадцатого века, а представители отечественной психолингвистики обоснованно признают его одним из наиболее выдающихся своих предшественников.

2.1.8. Внутренняя форма слова.

Ф. Ф. Фортунатов и московская лингвистическая школа

Филипп Федорович Фортунатов (1848–1914) явился основателем Московской лингвистической школы. Хотя публиковался он относительно мало и притом в основном на малоизвестном в тогдашней Европе русском языке, знали и признали его в зарубежной науке. Активная научно-педагогическая деятельность Фортунатова продолжалась около четверти века и была связана с Московским университетом, где он с 1876 по 1902 год возглавлял кафедру индоевропейских языков. После избрания в академики ученый переехал в Петербург, где принимал участие в работе Отделения русского языка и словесности, редактировал академические издания, но активной научной работы уже не вел. К ученикам Ф. Ф. Фортунатова, внесшим заметный вклад в развитие отечественной науки, принадлежат А. А. Шахматов, Д. Н. Ушаков, В. К. Поржезинский, М. М. Покровский, М. Н. Петерсон, Н. Н. Дурново и ряд других ученых.

Говоря о методологических основах деятельности Фортунатова, часто отмечают, что в ряде существенных моментов он стремился опереться на индивидуальную психологию. Он неоднократно отмечал, что именно она дает конечное объяснение фонетических явлений. Ученый подчеркивал, что

«исследование природы значений слов принадлежит той науке, которая изучает духовные явления и называется психологией, т. е. по отношению к значениям слов языковедение связывается с психологией. В психологию входит также и исследование природы той связи, какая существует между звуками речи и их значениями»⁹. Наконец, в основу понятия предложения Фортунатов, как и Пауль, кладет понятие психологического суждения, указывая, что «в психологическом суждении, рассматриваемом по отношению к выражению его в речи, мы можем различать два элемента: первую часть психологического суждения и вторую в открываемом мыслью отношении ее к первой части. Вторая часть психологического суждения может быть названа психологическим сказуемым, а первая, предполагаемая такою второю частью, – психологическим подлежащим». Именно выражением психологического суждения и является грамматическое предложение, хотя психологический и грамматический анализ могут и не совпадать. В целом разделял московский языковед и младограмматическую концепцию «звуковых законов».

⁹ Цитаты из трудов Ф. Ф. Фортунатова приводятся по публикации 1956 г.

Ф. Ф. Fortunatov

Вместе с тем в ряде моментов отмечалось определенное своеобразие лингвистического мировоззрения Фортунатова. Прежде всего оно проявлялось в гораздо большем внимании к социальной стороне языка. Ученый неоднократно подчеркивал, что «язык имеет историю; но эту историю язык имеет в обществе, т. е. как язык членов общественного союза... Таким образом, исследование человеческого языка в его истории входит по известным сторонам как составная часть в науку о природе и жизни общественных союзов».

Наиболее оригинальным аспектом концепции Фортунатова справедливо считается разработанное им учение о форме слова. Подразделяя все слова на полные (обозначающие предметы мысли и образующие либо части предложения, либо целые предложения), частичные (служебные) и междометия и указывая, что полные слова могут иметь форму, ученый дает последней следующее определение: «Формой отдельных слов в собственном значении этого термина называется... способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова». Формальной будет являться та принадлежность, которая видоизменяет значение основной, т. е. аффикс. «Присутствие в слове делимости на основу и аффикс дает слову то, что мы называем формой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.